

Юнь Сяо уже примерно догадывалась, кто этот ребёнок, поэтому не ответила на вопрос, а спросила сама:

— Небожитель, доволен ли ты своим визитом в эти края?

Мальчик сразу понял, что Юнь Сяо — тоже не из простых. Однако он сковал свою силу, и, кроме способности скрываться от взоров смертных, иные магические умения были ему сейчас недоступны. Рассмотреть подлинную суть девушки он не мог.

Юнь Сяо продолжила:

— Почему небожитель почтил своим присутствием столь скромное место, как Область Янь?

Ребёнку не хотелось снимать чары, и он ответил:

— У меня есть свои причины. Но с чего бы мне рассказывать их тебе?

Юнь Сяо вспомнила рассказ учителя о небожителях, нисходящих в мир людей. Даже если они являлись с самыми благими намерениями — на благо страны и народа, — в итоге чаще всего оставляли после себя лишь хаос. Разница была лишь в том, что одни умели этот хаос обуздать, и тогда воцарялся покой, а другие — нет, и тогда лилась кровь. Учитель говорил, что большинство странствующих небожителей принадлежали ко второй категории, и, встретив такого, нужно быть настороже.

Юнь Сяо не думала, что ей так «повезёт» — действительно повстречать небожителя. Ведь учитель также говорил, что после исчезновения наставника государства Цяньсяо встретить странствующего небожителя в мире людей стало почти невозможно.

Юнь Сяо сказала:

— Причины твоего визита не мне судить, и права вмешиваться у меня нет. Но о благополучии простого народа я всё же позаботиться хочу.

Ребёнок задумался, словно вспоминая о смутах, которые небожители приносили в этот мир сто лет назад, и ответил:

— Я лишь хотел взглянуть, благополучен ли сей мир.

Затем он добавил:

— Коль владеешь магией, должно, слышала имя наставника государства Цяньсяо?

В Юнь Сяо шевельнулось любопытство:

— Наставник Цяньсяо обрёл бессмертие?

Ребёнок вспомнил улыбку того человека и слегка ослабил свои ограничения. Он отчётливо почувствовал исходящее от того человека давление — казалось, он был где-то совсем рядом. Одновременно он разглядел черты лица Юнь Сяо, и сердце его ёкнуло: вот так вертится колесо, прошло сто лет, а некоторые живут так, будто время для них ничего не значит.

Его отношение к Юнь Сяо немного переменялось, в голосе появилась толика серьёзности:

— В конце концов он избрал путь, который сам для себя уготовал. Но мне кажется, в бытность

наставником он не был столь счастлив, как в юности, когда жил вольготно, будучи наследником.

Юнь Сяо удивилась:

— Он был наследником?

Ребёнок ответил:

— Он был сыном старшей принцессы Сихуа. Принцесса пользовалась безмерной благосклонностью императора, поэтому сына её ещё в младенчестве пожаловали титулом наследника Чжоюнь. Позже он стал наставником.

Возможно, потому, что редко встретишь небожителя, столь охотно отвечающего на вопросы, Юнь Сяо позволила себе спросить ещё:

— А ты сам, небожитель, кто будешь?

Ребёнок ответил:

— Наследник Чжоюнь, Шэнь Юй, был моим старшим братом по учёбе. Меня зовут Лин Синь.

Юнь Сяо не знала, что сказать. Ведь за время её отсутствия сменилась династия, и, возможно, род Лин Синя давно канул в лету.

Лин Синь, угадав её мысли, мягко произнёс:

— Все мои мирские дела были завершены ещё до того, как я обрёл бессмертие. Что будет после — карма моя уже разрешена.

Лин Синь на алтаре уже почти наелся. Поболтав ещё немного, он, казалось, почувствовал, что назначенный срок подходит. Перед уходом он с лёгкой неохотой сказал:

— Обычно тем, кто силён в прорицании, редко удаётся верно предсказать собственную судьбу. Вижу, тебе грозят сердечные невзгоды. Но, пожалуй, помочь я тебе не смогу. Ты уже избрала свой путь. Правда, порой быть слишком рассудительной — несправедливо по отношению к себе.

Юнь Сяо опустила глаза, глядя на кончики своих туфель, и наконец произнесла:

— Такова воля моего сердца.

Лин Синь вздохнул:

— По обычаю, столкнувшись с таким, я должен бы вмешаться. Но мы, странствующие небожители, стоит лишь прикоснуться к мирским делам, — неминуемо сеем смуту. Уверенности, что смогу навести порядок, у меня нет. Глядя на то, как вы, младшие, терзаетесь, я чувствую своё бессилие.

Голос Юнь Сяо прозвучал приглушённо:

— Правда? Тогда я спрошу лишь одно: сожалеешь ли ты, что обрёл бессмертие?

Лин Синь ответил:

— Даже если здесь я бессилен, в иных местах есть дела, которые мне под силу. Пока что я не жалею.

Юнь Сяо сказала:

— Благодарю тебя, старший.

Жертвенные дары на алтаре иссякли, тело Лин Синя начало терять очертания. Его последние слова прозвучали как тихий вздох:

— Как же тяжело, когда бремя всего мира ложится на плечи одного человека...

Юнь Сяо не нашлась что ответить. Даже на обратном пути её сознание было затуманено. В голове звенели слова Лин Синя о выборе между долгом и судьбой. Они опутали её, словно невидимые нити, не давая вздохнуть.

Кто-то на улице нечаянно толкнул её. Она мгновенно почувствовала, что это карманник, и, почти не задумываясь, применила приём своей школы, чтобы вырвать кошелек обратно. Но мысли её витали далеко, и она действовала машинально. Это как раз и увидел Цяо Чжэн.

Хозяин Дворца Цинпин был одержим самосовершенствованием и жаждал бессмертия. Разыскав сведения о наследии наставника государства Цяньсяо, он узнал, что тот после ухода оставил клад и карту сокровищ, разделённую на четыре части. Одна из частей хранилась на Горе Гуйянь. После упадка Горы Гуйянь от неё отделился Павильон Линфан, заняв уединённое положение. Хозяин Дворца отправил два отряда на поиски карты, и Цяо Чжэн был тем, кого направили в Область Янь.

Для Цяо Чжэна приказы хозяина Дворца не имели особой важности. Его манила сама двойственная, меж светом и тьмой, природа Дворца Цинпин. Выполнять личные поручения правителя ему было неинтересно, но, раз уж взялся, решил совместить дело с приятной поездкой.

Когда он, сидя на втором этаже винной лавки, поднёс чашу, его взгляд упал на сцену с кошельком, разыгравшуюся внизу. В тот миг он подумал, что поездка, возможно, и не будет напрасной.

Цяо Чжэн, выдавший виды, с первого взгляда распознал школу, к которой принадлежала девушка. Увидев, как она бережно держит кошелек, и вспомнив, что она связана с Чаотяньцюэ, ему захотелось её подразнить. Впрочем, это было не только его личное желание. Реки и озёра и императорский двор всегда существовали отдельно. В мире боевых искусств царили доблесть и справедливость, при дворе — почитание государя и ритуал. Казалось, эти два мира не должны были смешиваться.

Однако Чаотяньцюэ был основан ещё при первом императоре и занимал промежуточное положение между двором и реками и озёрами, что было весьма неудобно. Люди рек и озёр относились к нему с презрением, придворные — с предубеждением. Позже первый император в конце своих лет повелел многим отпрыскам знатных семей вступать в Чаотяньцюэ, обещая за заслуги продвижение по службе. Этот указ сохранился и постепенно изменил отношение двора, но среди людей рек и озёр он считался позорным, а само Чаотяньцюэ — рассадником бездарных тунеядцев.

Цяо Чжэн не считал, что все в Чаотяньцюэ были ни на что не годны. Он чувствовал, что их боевые искусства были глубоки и изощрённы, а действия — скрытны. Хотя многие в мире

боевых искусств и презирали Чаотяньцюэ, на деле встретить его члена было крайне редкой удачей.

Однажды Цяо Чжэн столкнулся с таким. В юности, возвращаясь с задания, он устал и прилёг отдохнуть на ветке дерева. Собираясь слезть, он почувствовал приближение двух людей. Цяо Чжэн с детства обучался путям убийцы и умел скрывать своё присутствие. Хотя оба пришедших превосходили его силой, они были настолько поглощены друг другом, что не заметили его. Цяо Чжэн случайно стал свидетелем их схватки. Одного он узнал — это был известный мастер, чьё длинное копьё прошло через бесчисленные битвы.

Из их перепалки Цяо Чжэн понял, что второй принадлежит к Чаотяньцюэ. Он затаил дыхание, надеясь почерпнуть что-то из этого поединка. Под влиянием слухов он не верил, что старый мастер может проиграть. Оба излучали яростную силу, клинок скрещивался с древком копья. Казалось, они обменялись сотней ударов, и вот один опустил меч, а старый мастер рухнул на землю. Человек из Чаотяньцюэ поднёс ко рту свисток, и менее чем за вдох появились десять человек, которые быстро устранили все следы битвы. Казалось, кроме Цяо Чжэна, никто о ней не узнает.

С тех пор Цяо Чжэн стал уделять Чаотяньцюэ пристальное внимание, и чем больше он узнавал, тем тревожнее становилось. Хотя люди рек и озёр и презирали Чаотяньцюэ, о нём почти ничего не было слышно. Лишь изредка проскальзывали слухи, что какой-нибудь герой победил члена Чаотяньцюэ, и это становилось темой для пересудов за чашкой чая. Но тех, кто действительно видел их в деле, были единицы.

Увидев, как действует Юнь Сяо, Цяо Чжэн вспомнил ту давнюю схватку, но её приёмы были ещё незрелыми. Это его заинтересовало. Он задумался, что могло привести члена Чаотяньцюэ в Область Янь, и вспомнил о кладе. Цяо Чжэн подумал, что, хоть это и было личным делом хозяина Дворца, сокровища — соблазн немалый.

<http://bllate.org/book/16277/1465458>